

ВЫБОР

Уйти надо было бы уже с полчаса назад. Виктор сильно задержался, рискуя опоздать на последний автобус (всё-таки как привыкаешь к машине, отдал на пару дней в сервис – сразу куча проблем). Не хотелось оставлять отца, всё пытался придумать, что бы сказать, сделать...

Вроде бы отец держался молодцом, отвечал впопад, шутил, но - движения медленные, неуверенные. Хотя 70 - не возраст по нынешним временам. Да и здоровье в норме, всего месяц назад прошёл полную проверку, Виктор настоял. И оплатил, конечно. Беспокоили глаза – потухшие, смотрящие куда-то внутрь, как будто отец был где-то в другом месте.

Неужели всё? Руки у отца были золотые, коллеги и подчинённые его уважали за добросовестность и честность. Но - всю жизнь ему было трудно адаптироваться, осваиваться в новых условиях. И к языкам способностей нет, ещё в 70-е пытался учить латышский, но далеко не продвинулся. Когда начались перемены, честно старался понять, приноровиться. Не сумел. Капитаны покидали давший течь завод один за другим, не забыв доверху нагрузить шлюпку бывшим общим добром. Боцман-отец оставался на борту, его цех работал до последнего дня, несмотря на лавину проблем с поставками, сбытом, банками...

Потом работал в разных местах, но долго нигде не удерживался. Кое-как дотянул до пенсии, пришлось продать хрущёвку в Кенгарагсе, переселился в посёлок – непрестижный, бывшая воинская часть. Виктор старался почаще навещать отца, тот в Ригу ездил неохотно, ссылаясь на больную спину. Но Виктор понимал, что не в спине дело.

Он пытался искать аргументы, ободрять отца, привёз ещё вполне приличный ноутбук. Отец без особых усилий освоил интернет, как-никак, опытный технарь, но особого интереса не проявлял. Виктор подозревал, что комп включался только к его приезду.

Ностальгия – чувство понятное, человеческое, тёплое. Но когда ностальгия становится образом жизни – беда... Виктора мучило осознание невозможности помочь. Сам он вошёл в новую жизнь сравнительно легко, стабильный миддл-класс, явно не аппер, ну да и ладно. Сыновьям и вообще весь мир открыт. Старший – программист-фриланс, год прожил в Таиланде, познакомился там с девушкой, уехал к ней в Голландию, теперь собираются махнуть в Австралию – говорит, Лотте очень кенгуру нравятся. Младший ещё доучивается, но уже на полном самообеспечении.

Если бы была возможность всё вернуть назад... Отец вновь стал бы уважаемым человеком. Ладно там всякие премии, грамоты и путёвки от профкома, главное – был бы востребован, чувствовал свою нужность. А дети? Из Таиланда и работы на Моторолу – в советскую школу, вуз и потом м.н.с. в НИИ на 155 рублей? Лет через пятнадцать – квартира в Плявниеках, а через 20 – возможно, придирчивая парткомиссия разрешит поехать на неделю в Болгарию...

Вот возник бы прямо сейчас перед тобой... Мефистофель, джинн, золотая рыбка, вотэвер, и спросил бы: Хочешь? Решай! Как скажешь, так и будет! Выбери!

Виктор тряхнул головой, достал мобильник, проверил расписание. Зона тут слабовата, грузится медленно. Прибавил шагу.

За поворотом показались подпрыгивающие лучи фар. Виктор перешёл на рысцу. Мокрый снег трусливо брызгал в стороны, мстительно покусывая ноги над носками.

Успел в последний момент, водитель уже включил поворотник. Краем глаза заметил табличку - да рейсовый, Рига. Что-то царапнуло взгляд, только уже вскочив в автобус, понял: написано на русском. Международный, из России или Белоруссии? Не ходят они тут, да и вряд ли международный остановился бы в этом глухом углу...

Благообразный старичок на переднем сиденье неторопливо шуршал газетой. Перевернул страницу, в глаза бросился заголовок “Сіца”. За спиной две дамы озабоченно обсуждали некую Тамару – мол, в универмаге выбросили югославские туфли (Виктор вяло подумал – зачем выбросили, бракованные, что ли?), так она аж четыре пары отхватила, а я два часа отстояла, прямо передо мной кончились.

Виктор огляделся. Терминала е-талона не видно, по прыгающему полу подошёл к кабине водителя. Шофёр чиркнул спичкой, закурил, не оглядываясь, сказал: “Сорок копеек отсюда”. Перед водителем лежал рулончик билетов, тусклые красные надписи на желтоватой бумаге, пустая консервная банка, позвякивающая монетками, тощая стопка желтоватых купюр, перехваченная аптечной резинкой. На верхней купюре выделялись багровые стилизованные буквы: один рубль.

Автобус тряхнуло на очередном ухабе, Виктор не успел схватиться за поручень, сильно ударился лбом и с облегчением потерял сознание.

Когда за пациентом закрылась тяжёлая белая дверь, доктор вздохнул и вновь пролистал тощую историю болезни. Собственно, пациент был не его, привезли на скорой с черепно-мозговой. Ничего страшного, лёгкое сотрясение, но травматолога беспокоил рассказ больного об обстоятельствах получения травмы – мол, побывал в прошлом, потому и запросили консультацию психиатра.

Доктор был опытен и чувствовал что-то необычное. Парень видный, хорошо, хотя и несколько странновато, одет. Растерян, несколько дезориентирован, но держится в целом адекватно...

Доктор пожал плечами. Ладно, посмотрим. Может, психоз? На почве юдофобии? Потому и название такое для денег придумал – евро...

Февраль 2018